

Оглавление

<i>Г.О. Бабкова. Об исследовательской оптике Дмитрия Серова.....</i>	<i>4</i>
Вместо предисловия	16
Глава первая. «... <i>Взятков не имал, а давали в почесть</i> » Из жизни российского чиновничества эпохи преобразований	18
Глава вторая. «... <i>Учинить по сему кроме действительной смерти</i> » Фрагменты жизнеописания сенатора Петра Шафирова	50
Глава третья. «... <i>И учреждена и размножена мною при Санкт-Питербурхе типография</i> » Службы цейхдиректора Михаила Аврамова	109
Глава четвертая. «... <i>Також и о протчих его худых поступках розыскать</i> » Жизнь и преступления статского советника Дмитрия Соловьева.....	155
Глава пятая. «... <i>Но скрылся и пропал безвестно</i> » Загадки судьбы резидента Авраама Веселовского	204
Приложения	227
Аннотированный указатель имен.....	327
Принятые сокращения	397
Об авторе.....	398

Об исследовательской оптике Дмитрия Серова

В значительном по объему научном наследии Дмитрия Олеговича Серова монографическое исследование «Строители Империи: очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I» занимает особое место¹. Его появление обозначило новое направление не только в научных изысканиях Дмитрия Олеговича, но и в осмыслении процесса формирования чиновничества в России первой четверти XVIII столетия. К моменту выхода монографии Д.О. Серова, суммировавшей его наблюдения относительно карьерных траекторий и стратегий государственных служащих в первые десятилетия XVIII в., в историографии сложилась давняя традиция изучения приказного сословия и пришедшей ему на смену бюрократии². Предметом рассмотрения в трудах истори-

---

¹ Серов Д.О. Строители Империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1996. Перечень опубликованных трудов Д.О. Серова см.: Серов Д.О. Люди и учреждения Петровской эпохи: сб. статей, приуроченный к 350-летию юбилею со дня рождения Петра I / сост. и предисл. Е.В. Анисимова и Е.В. Акельева. М., 2022. С. 404–421.

² Карнович Е.П. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897; Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. СПб., 1898; Александров М. (Ольминский М.С.) Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. СПб., 1910; Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974; Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России. (XVII–XVIII вв.): сб. статей к 70-летию со дня рождения и 45-летию науч. и пед. деятельности Б.Б. Кафенгауза. М., 1964. С. 206–242; Демидова Н.Ф. Приказные люди XVII века: социальный состав и источники формирования // Исторические записки. Т. 90. М., 1972. С. 332–354; Демидова Н.Ф. Государственный аппарат России в XVII веке // Там же. М.,

ков становились социальные процессы внутри этой профессиональной группы, которые преимущественно анализировались в непосредственной связи с путями развития российской государственности при переходе от Средневековья к раннему Новому времени. Главная задача, которую пытались решить историки в XX в., состояла в выявлении тенденций к бюрократизации государственного аппарата: профессионализация приказной, а впоследствии — канцелярской службы, ее социальные, количественные и качественные характеристики, введение штатов, вопросы финансового обеспечения служащих и т.д. рассматривались как признаки формирования абсолютизма в России. В этом контексте бюрократия трактовалась как «особая категория населения, обслуживавшего деятельность разветвленного аппарата государственных учреждений абсолютной монархии»³ и позиционировалась в качестве «важнейшего атрибута»⁴ абсолютизма. Она представлялась рационализированной структурой, четкое функционирование которой было главным условием перехода от «традиционного патримониального управления» к государству модерного типа⁵.

1982. Т. 108. С. 109–154; Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987; Медушевский А.Н. Развитие аппарата управления России в первой четверти XVIII века // История СССР. 1983. № 6. С. 136–143; Медушевский А.Н. К изучению государственного аппарата в период утверждения абсолютизма в России (первая четверть XVIII века) // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985. С. 89–102; Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994.

³ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. С. 3.

⁴ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство... С. 3. См. также сходное с предшествующими замечание В.И. Буганова в предисловии к изданию справочника С.Б. Веселовского (*Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв.* М., 1975. С. 3). Симптоматична характеристика процесса замены приказов «немногочисленными коллегиями», данная в «Очерках истории СССР» (1954 г.) и однозначно увязываемая с созданием «ведомственного аппарата абсолютной монархии» (Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII века. Преобразования Петра I / под ред. Б.Б. Кафенгауза и Н.И. Павленко. М., 1954. С. 303).

⁵ Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. С. 246.

В «Строителях Империи», однако, была использована принципиально иная исследовательская оптика: Д.О. Серов предлагал реконструировать историю чиновничества через «жизнеописания» отдельных представителей администрации Петра I, причем таких, чей «вклад в создание Российской империи» носил неоспоримый характер⁶. На первый взгляд, подобного рода фокус не предполагал каких-либо новаций и находился в общем русле традиции изучения круга лиц, принимавших участие в осуществлении реформ первой четверти XVIII в. Различные аспекты биографий ближайших сподвижников Петра I неоднократно реконструировались и подробно описывались. На момент публикации «Строителей Империи» самые известные биографические очерки, обозначившие возврат к «личностной истории», принадлежали перу Н.И. Павленко⁷. В первой половине 1980-х годов увидела свет неоднократно переиздававшаяся впоследствии биография А.Д. Меншикова; в 1985 г. были изданы «Птенцы гнезда Петрова». В них главными героями выступали фельдмаршал Б.П. Шереметьев, П.А. Толстой и кабинет-секретарь Петра I А.В. Макаров, которых Н.И. Павленко стремился «изобразить живыми людьми» со всем спектром их достоинств и недостатков⁸. Речь, однако, шла об узком круге вельмож первого ряда. Но даже в случае с данными лицами их индивидуальная деятельность жестко увязывалась с «волей» Петра I, смерть которого, по словам Н.И. Павленко, превратила членов его «единой команды» в «заурядных людей», лишенных инициативы и продолжавших по инерции «копошиться» у трона⁹.

Отличие подхода Дмитрия Олеговича Серова заключалось в том, что его интересовали прежде всего не признанные деятели Петровской эпохи, а «неприметные строители Империи»¹⁰, поступ-

⁶ Серов Д.О. Строители Империи. С. 7.

⁷ См. рецензию Н.Я. Эйдельмана на книгу Н.И. Павленко «Александр Данилович Меншиков»: Эйдельман Н. «Счастья баловень безродный...» // Знание-сила. 1983. № 2. С. 22–23.

⁸ Павленко Н.И. Александр Данилович Меншиков. М., 1981; 2-е изд. М., 1983; Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1985.

⁹ Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. С. 8, 312.

¹⁰ Серов Д.О. Строители Империи. С. 24 (примеч. 12).

ки которых, далеко не всегда однозначные с точки зрения законодательства, влияли на пути реализации основных реформ Петра I. Героями стилистически безупречных очерков Д.О. Серова стали не только П.П. Шафиров, но и такие персонажи, как основатель и глава Санкт-Петербургской типографии М.П. Аврамов, дипломат А.П. Веселовский или разработчики Таможенного тарифа братья Д.А. и О.А. Соловьевы. Изучение их биографий позволило историку реконструировать карьерные пути служилых людей нового типа, которые пришли на смену «приказным чинам» предыдущего столетия.

Новаторство предложенного Дмитрием Олеговичем подхода особенно выпукло проявляется на фоне преобладавшего в предшествующей историографии фокуса на социальных явлениях большого масштаба. Детали личных, семейных и служебных траекторий отдельных приказных чинов, как правило, попадали в поле исследовательского интереса в виде примеров, призванных подтвердить или опровергнуть тот или иной историографический посыл. При этом за кадром оставалась непосредственная практика принятия решений, в рамках которой конкретные действия отдельной штатной единицы напрямую сказывались на эффективности системы в целом. Не учитывался и тот факт, что в учреждениях начала XVIII в. «даже самый незначительный подьячий имел возможность повлиять на ход того или иного дела...», в конечном счете адаптируя реформаторские интенции власти к реалиям повседневной жизни¹¹.

Сопоставление «Строителей Империи» с опубликованной за два года до их издания работой А.Н. Медушевского «Утверждение абсолютизма в России» (1994) позволяет понять, каким образом менялся подход к изучению государственных служащих в России первой четверти XVIII в. Примером может служить анализ послужных списков чиновников администрации Петра I, занявший важное место в трудах А.Н. Медушевского и Д.О. Серова. Рассмотрение этих списков по канцелярии Сената привело Медушевского к выводу о «полной» зависимости чиновников от государства, их продвижение по службе он увязывал с формальными признаками годности

---

¹¹ Там же. С. 279–280.

и выслуги лет¹². Д.О. Серова также интересовали общие характеристики чиновничества как отдельной социальной группы (см. ниже), однако внимание к деталям биографий отдельных администраторов позволило выявить ряд моментов, которые по-новому представляли роль неформальных отношений в бюрократической среде. Так, реконструированная Д.О. Серовым история продвижения по службе одного из героев «Строителей Империи», М.П. Аврамова, которому удалось «перескочить» сразу два подъяческих чина, свидетельствовала о том, что карьерный рост, помимо профессиональных качеств, напрямую зависел от покровительства влиятельного лица и включенности в патрон-клиентскую сеть. В случае М.П. Аврамова важную роль сыграли его приятельские отношения с В.С. Ершовым и протекция со стороны кн. А.Д. Меншикова¹³.

В «Строителях Империи» Д.О. Серову удалось приподнять завесу над неофициальной стороной отношений в среде чиновничества в России первой четверти XVIII в. во многом благодаря тому, что за стилистически четко выверенными и легко читаемыми «жизнеописаниями» петровских администраторов стояла серьезная работа с историческими источниками. В таком объеме они впервые привлекалась для изучения историй жизни и отдельных канцелярских служащих, и данной социальной группы в целом. Наряду с традиционно используемым в трудах по истории бюрократии в России делопроизводством центральных органов власти, а также материалами учета чиновников 1737 и 1754–1756 гг., Д.О. Серов обратился к судебнo-следственным делам по особо крупным экономическим преступлениям, данным некрополей, переписи жителей Санкт-Петербургского острова 1718 г. Сведения, содержащиеся в этих источниках, с одной стороны, позволили установить даты рождения и начала службы для целой группы чиновников, а с другой — сделать, например, важный вывод об уровне квалификации приказных людей, поступавших на службу во второй половине XVII — первой декаде XVIII в. Как показал Д.О. Серов на материалах выборки из 36 лиц, штатные сотрудники приказов и канцеля-

---

¹² Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. С. 270–272, 285–286, 287.

¹³ Серов Д.О. Строители Империи. С. 72, 90–91 (примеч. 18).

рий, начинавшие службу в 11–14 лет, получали значительный опыт по ведению делопроизводства и в итоге обладали «широким кругом профессиональных навыков»¹⁴.

Вместе с тем, благодаря привлечению источников личного происхождения, удалось продемонстрировать значение неформальных и дружеских связей для успешного продвижения по службе. Так, анализ терминологии писем А.А. Матвеева к А.В. Макарову позволил Д.О. Серову высказать предположение о том, что во второй половине 1710-х годов будущему президенту Юстиц-коллегии покровительствовал ландрихтер И.П. Топильский¹⁵. Сходным образом рассмотрение неофициальных писем подканцлера П.П. Шафирова к находящимся в его подчинении служителям канцелярии Коллегии иностранных дел дало возможность в новом ракурсе представить деятельность данного органа в контексте противостояния Шафирова и его непосредственного начальника канцлера Г.И. Головкина¹⁶.

«Жизнеописания» администраторов Петровской эпохи изучались Д.О. Серовым в общем контексте эволюции российского чиновничества на рубеже XVII–XVIII вв. С точки зрения Дмитрия Олеговича, реформы первой четверти XVIII в., которые традиционно рассматриваются в сугубо положительном ключе, в действительности блокировали развитие наметившихся еще в предшествующий период ряда позитивных тенденций в «отечественной государственной службе»¹⁷. Следуя линии, предложенной в фундаментальных трудах С.Б. Веселовского и Н.Ф. Демидовой по истории служилой «бюрократии», Д.О. Серов выделял три характеризующих бюрократию параметра: «высокий престиж, компетентность и ответственность исполнителей»¹⁸. Обладание этими качествами было характерной чертой служителей приказов, в среде которых еще в конце XVII в. шло постепенное формирование прослойки высококвалифицированных профессиональных чинов-

---

¹⁴ Там же. С. 23–24 (примеч. 10).

¹⁵ Там же. С. 22 (примеч. 3).

¹⁶ Там же. С. 57–58 (примеч. 57).

¹⁷ Там же. С. 14.

¹⁸ Там же. С. 11.

ников. Петровские нововведения купировали данный процесс¹⁹. Увеличение численности штатных единиц в органах центрального и местного управления повлекло дефицит кадров и общее снижение уровня их профессиональной компетентности. Негативную роль играло и разрастание объемов делопроизводства, а также падение престижа гражданской службы в сравнении со службой военной. Итогом стал «резкий рост должностной преступности», борьба с которым вынудила Петра I создать целый ряд надзорных органов — от института фискалов до Вышнего суда.

Оценка Д.О. Серовым траектории развития чиновничества в первой четверти XVIII в. была напрямую связана с его общим отношением к реформаторской деятельности петровского правительства. По мнению автора «Строителей Империи», эти нововведения в области государственного управления, во-первых, вступали в противоречие с теми целями, которые верховная власть обозначала в качестве приоритетных в предшествующий период (место всеобщего спасения заняла идея рационализованного «общего блага»), а во-вторых, в краткосрочной перспективе имели негативные последствия для социально-экономического развития страны в целом. Отсылая к историографической традиции, заложенной в магистерской диссертации П.Н. Милюкова «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого» (1892 г.), в которой впервые была четко артикулирована проблема «цены реформы» Петра I²⁰, Д.О. Серов связывает рост коррумпированности государственной администрации в петровский период с общим ухудшением «криминогенной обстановки», вызванной увеличением налогового гнета и снижением материального благосостояния населения²¹.

¹⁹ Серов Д.О. Строители Империи. С. 11, 25 (примеч. 17).

²⁰ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892; 2-е изд. СПб., 1905. См. хрестоматийную фразу П.Н. Милюкова, суммирующую его наблюдения относительно последствий реформ Петра I: «Ценою разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы» (Милюков П.Н. Государственное хозяйство... 2-е изд. С. 546). См. также общие выводы П.Н. Милюкова (Там же. С. 526–546).

²¹ Д.О. Серов опирался на результаты изучения налоговой политики правительства Петра I, прежде всего на опубликованное в 1982 г. исследование

В связи с этим симптоматичны тексты, выбранные в качестве эпиграфа к «Строителям Империи...». Первый из них — это приветственные стихи М.П. Аврамова, которые, скорее всего, были представлены Петру I в последние дни 1711 г., а затем опубликованы в виде отдельного листа 6 января 1712 г.²² Аврамов, возглавлявший на тот момент типографию Северной столицы, прославлял в них успехи государя и его приближенных на военном и гражданском поприще. В своем сочинении он называет Петра I «премудрым рачителем» и «державы истинным расширителем», действия которого на фронтах Северной войны и в «Азии» обогатили «великую Россию»²³. Второй эпиграф является частью записки, которая была представлена Екатерине I в 1726 г. за подписью кн. А.Д. Меншикова, А.В. Макарова, А.И. Остермана и А.Я. Волкова²⁴. Авторы записки обращали внимание императрицы на «великую скудость» и «разорение», в которых находилось население Российской империи²⁵. Таким образом, через эпиграфы обозначались две стороны реформ Петра I: с одной стороны, территориальные приращения и модернизация государственного управления, а с другой — финансовые тяготы и экономические неурядицы, которые затронули практически все социальные слои Российской империи.

Несмотря на то что некоторые из сформулированных Д.О. Серовым оценок были скорректированы в последующей историо-

---

Е.В. Анисимова «Податная реформа Петра I». См. замечания Е.В. Анисимова о трехкратном увеличении налогов в первой четверти XVIII в. (Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1982. С. 277–279). Критикуя расчеты П.Н. Милюкова, Е.В. Анисимов в целом разделял его подходы к оценке причин (военные нужды) и последствий («хроническое перенапряжение народного хозяйства») реформ Петра I (Там же. С. 4–5, 101–104, 286).

²² См.: Аврамов М.П. Приветственные стихи Петру I // Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. / сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич; вступ. ст. П.Н. Беркова. М.; Л., 1955. С. 125.

²³ Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. С. 125–126.

²⁴ Записка о государственных нуждах А.Д. Меншикова, А.И. Остермана, А.В. Макарова и А.Я. Волкова // 200-летие Кабинета его императорского величества. 1704–1904: Историческое исследование. СПб., 1911. Прилож. С. 45.

²⁵ Серов Д.О. Строители Империи. С. 5.

графии²⁶, «Строители Империи» не потеряли своей историографической значимости. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, историками сегодня по-иному оценивается высокая степень «неформальности» и «персонифицированности» власти в России раннего Нового времени, которую особо акцентировал Д.О. Серов²⁷. Как показывает изучение западноевропейского материала, эти тенденции не были уникальной особенностью именно российской государственно-административной системы. «Параллельные структуры» власти, которые выстраивались за счет родства и покровительства, были характерны для всех западноевропейских монархий раннего Нового времени. В условиях слабости центральной администрации они выступали в качестве «дополнительных» институциональных механизмов, дававших возможность зарождающейся бюрократии успешно управлять обширными территориями и обеспечивать стабильность государственной власти на местах²⁸. Фактически правящая элита в прямом и переносном смысле являлась «одной большой, дружной семьей», в которой место подчинения учреждению занимали «личные связи, основанные на преданности и благодарности патрону»²⁹.

---

²⁶ В исследовании Е.В. Анисимова «Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века», опубликованном через три года после издания «Строителей Империи», последовательно проводилась мысль о прямой связи между приказами и государственными учреждениями, появившимися в первой четверти XVIII в. (Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 90, 93). См. сходные наблюдения П.В. Седова (Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 551, 555–556). Указанные авторы подчеркивали факт преемственности между реформами Петра I и преобразованиями предшествующего периода, отмечая, однако, значительно большую интенсивность и кардинальность реформаторского процесса. Выводы, близкие заключениям Д.О. Серова относительно разрыва в традициях службы в России XVII и XVIII столетий, см. в работе Л.Ф. Писарьковой (Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 529–534).

²⁷ Серов Д.О. Строители Империи. С. 10.

²⁸ *Kettering Sh. Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France.* N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1986. P. 5, 224, 231.

²⁹ Хениелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб., 2003. С. 272.

Более того, персонификация отношений «во все более регулируемой и безличной административной системе» в России на рубеже веков свидетельствовала, по мнению В. Кивельсон, не о «недостатках плохо централизованного государства» и коррумпированности чиновничества нового типа. Наоборот, она подчеркивала успешность процесса «приспособления общества и государства к новому явлению» — росту и усилению бюрократии. Прибегая к покровительству и «лицеприятству», подданные разных социальных категорий быстрее привыкали к новым административным реалиям, усваивая «фундаментально чуждый подход к управлению» и тем самым рационализируя социальную реальность³⁰.

Во-вторых, в отечественной исторической традиции «Строители Империи» стали первым опытом изучения *практики* администрирования, тем более примечательным, что Дмитрий Олегович сделал их центральной темой своего исследования задолго до того, как в России началось осмысление теории *практик* как отдельного методологического направления³¹. Насыщенные «живыми людьми»³² биографии «Строителей Империи» позволяли увидеть, каким было социальное пространство чиновника средней руки в России первой половины XVIII в. Они предлагали оптику для понимания способов выстраивания и функционирования «хрупких» сетей, в рамках которых отдельные исторические фигуры посредством собственных карьерных, брачных, дружеских и т.п. стратегий осваивали и использовали государственные и властные институты, стремившиеся «твердой рукой» устанавливать легитимность и справедливость и минимизировать любые проявления

---

³⁰ Кивельсон В. Родственные связи и покровительство в провинциальной политике XVII века // Сословия и государственная власть в России XV — середины XIX вв. Междунар. конф. — Чтения памяти академ. Л.В. Черепнина. 13–16 июня 1994 г.: тез. докл. Ч. II. М., 1994. С. 242–243, 250. О роли межличностных связей и патрон-клиентских отношений при становлении «крепостного дела» в России начала XVIII в. см.: Жуковская А.В. От поручения к учреждению: А.А. Курбатов и «крепостное дело» при Петре I // Очерки феодальной России. Вып. 13. М., 2009. С. 314–376.

³¹ См.: Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб., 2008.

³² Вслед за Н.И. Павленко Д.О. Серов отмечал, что его интересуют в первую очередь «люди»; см.: Серов Д.О. Строители Империи. С. 7.

субъективно-личного и «своевольного» в рамках рационально построенной системы государственного аппарата³³. В этом смысле работа Д.О. Серова может быть отнесена к политической антропологии, акцентировавшей внимание на «политической коммуникации и патронатно-клиентарных отношениях» и обозначившей новый этап в развитии политической истории в целом³⁴. В последнее время данный подход приобретает особую популярность в связи с наметившейся тенденцией переосмысления самодержавия как типа властвования. Отходя от представления об абсолютной власти монарха, не предусматривающей якобы каких-либо иных отношений между автократом и подданными, кроме близкого к рабству полного и безоговорочного подчинения, исследователи все больше внимания обращают на многообразие форм социального взаимодействия отдельных индивидуумов и групп в России раннего Нового и Нового времени. В этом контексте работа Д.О. Серова, представляющая чиновников среднего звена как полноправных акторов утрачивающего анонимность исторического процесса, и сегодня в полной мере сохраняет свою актуальность.

Г.О. Бабкова

---

³³ В.В. Волков, О.В. Хархордин. Теория практик. С. 11–16, 19–23; Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 58–59, 63, 67.

³⁴ Кромм М.М. Политическая антропология. Новые подходы к изучению феномена власти в истории России // Исторические записки. М., 2001. Вып. 4 (122). С. 377. В историографии последних лет данный подход наиболее последовательно реализован в работе И.И. Федюкина; см.: Федюкин И.И. Прожектеры: политика школьных реформ в России в первой половине XVIII века. М., 2020. С. 15–18.

Слава Богу, обогатившему великую Россию,
Яко дарова монарха премудраго Петра Перваго...
Он есмь от юности о России премудрый рачитель,
Державы своей истинный разширитель.

Дьяк Михаил Аврамов, 1712 г.

...По разсуждении о нынешнем состоянии Всероссийского государства показывается, что едва ли не все дела, как духовныя, так и светскія, в худом порядке находятся и скорейшего поправления требуют. И каким неусыпным прилежанием блаженныя и вечнодостойныя памяти его императорское величество [Петр Великий] ни трудился во установлении добраго порядка во всех делах, однако ж того по се время не видно.

*Генерал-фельдмаршал Александр Меншиков,
вице-канцлер Андрей Остерман,
тайный кабинет-секретарь Алексей Макаров,
воинский советник Алексей Волков,
1726 г.*

Вместо предисловия

---

22 октября 1721 г. в Троицком соборе города Санкт-Петербурга состоялось примечательное событие. По завершении обедни государственный канцлер граф Гавриил Иванович Головкин от имени Правительствующего сената поднес царю и великому князю Петру Алексеевичу титул Отца Отечества, Императора Всероссийского. Сопровожденная троекратным возгласом собравшихся «Виват!», колокольным звоном и пушечной пальбой, эта церемония положила начало существованию Российской империи.

Эпоха Петровских реформ — шальное время. Это было время, когда сын конюха мог стать герцогом, крестьянка — императрицей. Когда царь мог переносить лишения наравне с простым солдатом, а генерал-фельдмаршал — рисковать жизнью ради спасения рядового.

Это было время, когда огромные российские капиталы оседали в лондонских и амстердамских банках, а городу Твери угрожала опасность быть захваченной бандитскими шайками. Время, когда за торговлю русской одеждой ссылали на каторгу, а в центре Санкт-Петербурга раскачивалось на железных цепях тело казненного за лихоимство сибирского губернатора. Это было время грандиозных благих намерений и их неожиданно печальных последствий. Время больших строек и многой крови. Время крутых перемен и несостоявшихся надежд.

Эта книга — отнюдь не систематическое обозрение событий правления Петра I. Она посвящена жизнеописанию лишь некоторых примечательных лиц из правительственной среды того времени.

Среди персонажей книги оказались очень разные люди. Искренние поборники обновления страны и беспринципные карьеристы, ревнители государственного интереса и криминализованные дельцы, неподкупные чудаки и бесшабашные авантюристы. В судьбах

этих людей имелось, однако, нечто общее: своим возвышением они были обязаны зыбкому времени реформ. И еще: все они внесли неоспоримо весомый вклад в создание Российской империи.

Эта книга о людях, многое, очень многое сделавших для того, чтобы 22 октября 1721 года над Троицкой площадью города Санкт-Петербурга разнеслось тысячеголосое «Виват!».

Глава первая

«...Взятков не имал, а давали в почесть»

Из жизни российского чиновничества эпохи преобразований

1724 года месяца ноября в неизвестный день в покои государева дворца в Санкт-Петербурге было подброшено до крайности любопытное письмо. Пожелавший скрыть свое имя автор извещал Отца Отечества о вопиющих «неправдах», в которых оказались замешаны видные лица правительства империи¹ (здесь и далее примечания приводятся в конце главы. — *Примеч. ред.*).

Преисполненное гражданского пафоса послание, однако, менее всего напоминало плод воображения какого-нибудь повредившегося в уме правдоискателя. Написанное твердой рукой профессионального писца, оно было составлено человеком несомненно здравого рассудка, не один год проработавшим вблизи от обличаемых «персон»².

На страницах письма мелькали фамилии Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова, Андрея Артамоновича Матвеева, Федосея Семеновича Манукова, Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина, Егора Ивановича Пашкова, Афанасия Григорьевича Комынина — членов Вышнего суда, сенаторов, президентов, коллежских прокуроров. Взятки, расхищение казны, покровительство криминальным дельцам, развал следственных дел, неправо судебные приговоры сплетались в яркую картину полнейшего разложения высшей администрации обновленной России. Прикрывал же коррумпированную группировку не кто иной, как сам Алексей Васильевич Макаров,

бессменный секретарь государя, ключевая фигура в системе государственного управления нашей страны начала 1720-х годов.

С крайне любопытным письмом возникала лишь одна загвоздка. Согласно грозным царским указам от 25 января 1715 г. и от 19 января 1718 г. подметные письма, не распечатывая, надлежало без промедления сжигать³. Не было сделано исключения и на этот раз. Подброшенное в государевы покои анонимное послание прилюдно «истребили» на площади. Вот только в конверт вместо подлинника Петр I распорядился вложить чистую бумагу...

Благополучно уцелевший до наших дней, документ сохранил на полях немало высочайших помет — нервно проставленных рукой Отца Отечества крестов в кружках. Зная жестокий нрав первого российского императора, не приходится сомневаться в том, что поименованных в письме «господ вышних командиров» ожидала печальная участь.

По всей видимости, в первые месяцы 1725 г. по Санкт-Петербургу прошла бы череда грандиозных расследований, показательных процессов, кровавых «эксекуций»⁴. Не один «птенец гнезда Петрова» рисковал бы тогда встретить позорную смерть на спешно сколоченном на Троицкой площади эшафоте. В соответствии с утвердившейся на исходе 1710-х годов жуткой традицией тела казненных долгие месяцы оставались бы непогребенными. Вот и торчали бы по улицам Северной Венеции насаженные на железные спицы головы тайного кабинет-секретаря Макарова, сенатора графа Матвеева, генерал-лейтенанта Дмитриева-Мамонова, от лейб-гвардии капитана Пашкова, прокурора Комынина...

Последовавшая 28 января 1725 г. кончина царя-преобразователя уберегла сановных лихоимцев от возмездия. Следует признать, впрочем, что, если бы процессы 1725 г. и состоялись, это никак не избавило бы нашу страну от язвы коррупции. Дело в том, что реформы Петра Великого как нельзя более способствовали ее развитию.

I

Взятки в России брали всегда. Брали подьячие и воеводы XVII в., ландрихтеры и коменданты XVIII, ассессоры и губернаторы XIX, комиссары и инспекторы XX в. Менялись названия чинов, должно-

стей, менялись правители, менялось государственное устройство страны. Неизменной оставалась взятка.

В далеком 1696 году инок Авраамий писал, что подкупленные едва не поголовно чиновники «позабыв страх Божий и смертный час, губят государство нагло, судят неправедно...»⁵. Может, неактуальными покажутся эти слова в наше время?

Вполне определенные ассоциации вызывают и записи в расходной книге стряпчего, занимавшегося в 1660-е годы ведением судебных дел одного из московских монастырей:

... [1663 года] сентября в 30 день: обедали Судного Московского приказу дьяки Иван Ондриянов да Исай Нефедьев. Куплено рыбы на 5 алтын да калачей на 6 денег.

Октября в 7 день: обедали подьячие Монастырского приказу Михайло Кривой с товарищи, восемь человек, да Патриарша Дворцового приказу подьячий Изот Иванов да Стрелецкого приказу подьячий Иван Вохромеев да Олексей Клочкив. Куплена щука колотка, дано 11 алтын, 4 денги; две уши, 6 алтын 4 денги; колачей на 3 алтына 2 денги...

[1664 года] февраля в 11 день: [обедали] Рейтарского приказу дьяка Григория Богданова жена да Болшого приходу подьячево Якова Чернцова жена, да Сибирского приказу подьячий Аникией Семенов с женой... А куплено про них на обед гусь, утенок, поросенок, часть говядины, куренок, дано 17 алтын 2 денги...

Марта в 8 день обедал Судного Московского приказу дьяк Иван Гаврилов. Куплено колачей на 3 алтына 2 денги...⁶

В чем же дело? Отчего на протяжении веков россияне безропотно несут и несут чиновникам разнообразные подношения?

Главная причина этого очевидна: в России сила власть имущих людей всегда преобладала над силой закона. Государственная власть в нашей стране была и остается властью живых конкретных людей. Но раз власть деформализована, отчетливо персонифицирована, значит, и отношения с ней должны строиться неформально, не «по закону». Взятка и являет собой магистральный путь построения отношений с «человеческой» властью. Вопрос заклю-

чается лишь в том, в какой форме и в каком объеме эту взятку преподнести.

Можно, конечно, неформальных подходов к власти и не искать. Но тогда чаще всего из обращения к властным структурам ничего не выйдет. И это еще не худший вариант. Живые люди — на то и живые люди, что им свойственны слабости, пристрастия, перепады настроения. А если имеющий власть рассердится на скупого просителя? Игнорирование законов ведь не означает их отсутствия. Чего-чего, а законов в России всегда было в избытке. И применить их вдруг со всей строгостью для власти никогда проблем не составляло. Совсем не зря ходила в прежние времена поговорка: «Кто пред Богом не грешен и кто пред царем не виновен?».

Разумеется, среднестатистический российский человек обращается сегодня к власти не каждый день. В минувшие же века делать это ему приходилось еще реже. Степень огосударствления повседневной жизни россиян в XVII в. была заметно ниже, чем в XX. Но не только это обстоятельство существенно отличает XVII в. от последующих.

Подношение, которое нес проситель чиновнику три с лишним столетия назад, было не только способом не формализовать отношения с властью. Это была еще плата за компетентность этой власти.

II

В XVII в. чиновников на Руси было мало. В 1640-е годы на всю огромную страну, раскинувшуюся от смоленских рубежей до Колымы, на 7 миллионов человек населения приходилось всего 1611 правительственных служащих⁷. Между тем задачи, стоявшие тогда перед государственным аппаратом, были обширны и многообразны. Постепенно оправлявшаяся от потрясений Смутного времени страна интенсивно наращивала военный потенциал, вела все более активную внешнюю политику, отлаживала финансовую систему.

Именно в годы выхода России из самого тяжелого в ее истории кризиса, в годы скудости и разорения, сформировались три важнейших параметра национальной государственной службы — высокий престиж, компетентность и ответственность исполнителей.

Непревзойденный знаток отечественного Средневековья С.Б. Веселовский так писал об управленцах XVII в.:

...Это были сметливые мужики, хорошо усвоившие путем практики технику дела... Связанные тесными и постоянными сношениями с управляемым населением, подьячие не только знали все тонкости и мелочи письмоводства, но и все детали дела. Они прекрасно знали, насколько приблизительно повысится кабацкий доход какого-нибудь Можайска, если через него пройдут на государеву службу ратные люди; как отразятся ранние заморозки на торговле Устюга или мелководе — на ярмарке Нижнего, где какой урожай и где хорошо идут какие промыслы...⁸

Начинавшие работу, как правило, 11–14-летними подростками⁹, сотрудники тогдашних правительственных учреждений проходили многолетнюю практическую учебу, овладевали широким кругом профессиональных навыков¹⁰.

Так, обыкновенный служитель дипломатического ведомства мог исполнять обязанности и референта, и шифровальщика, и стенографа¹¹, нередко — каллиграфа (по давней традиции текст отправляемой за рубеж грамоты, независимо от объема, писался на одном листе). Служащие Поместного приказа, ведавшего судом по земельным делам, имели познания в математике, юриспруденции, почвоведении, владели основами картографии и землемерного дела. Если учесть, что уровень грамотности населения был низок (к примеру, в 1686 г. среди посадских людей Москвы грамотных насчитывалось 23,6%¹²), то подобную квалификацию нельзя не признать весьма высокой.

Российская юридическая практика XVII в. здраво разграничивала взятку — плату, полученную должностным лицом за совершение заведомо незаконных действий, и почесть (посул) — плату, полученную чиновником за исполнение прямых служебных обязанностей. Поскольку значительная часть служащих обладала уникальной квалификацией, почесть была социально мотивирована и вполне легитимна. К примеру, в 1677 г. царь Федор Алексеевич, разгневавшись на группу приказных, распорядился в качестве наказания на время «быть им в приказах бескорыстно,

и никаких почестей и поминков ни у ково ничего ни от каких дел не имать»¹³.

Конечно, грань между взяткой и посулом нередко оказывалась зыбкой. Этому немало способствовала и запутанность российского законодательства. Принятое в 1649 г. Уложение — универсальный кодекс отечественного права — все более обростало несистематизированными, временами противоречащими друг другу новыми узаконениями. В этих условиях опытному служащему в принципе не стоило труда подобрать указ «на любой случай жизни» или, говоря словами позднейшего документа, «играть» законами «как в карты, прибирая масть к масти»¹⁴.

Затруднительно было доказать умышленность служебной ошибки. Попавшие под следствие должностные лица неизменно стояли на том, что «взятков не имывал, а давали... из воли, в почесть», что «взятков не имал, толко де поднесли... по склянице водки»¹⁵.

Как бы то ни было, чиновничье «беспредела» Россия XVII в. не знала. Не был он неизбежен и в перспективе. Завидный общественный статус, безусловная компетентность немногочисленных служащих, не исключено, выработали бы в XVIII в. тип управленца, сочетающего профессионализм и ответственность за исполняемое дело с высоким культурным уровнем, с понятием о служебной чести. В среде таких людей все более уважался бы закон, не была бы нормальным явлением взятка. Впереди, однако, Россию ожидала эпоха «великих реформ» Петра I.

III

На протяжении четверти века Петр I упорно стремился организовать жизнь русских людей «правильно». Человек деятельный, но не деловой, волевой, но не дальновидный, царь Петр Алексеевич вполне искренне желал сделать в России как лучше, абсолютно не видя при этом реальной действительности.

Поверхностно, но твердо усвоив набор западноевропейских политико-юридических идей, Петр I (подобно реформаторам 1990-х) был полон романтической уверенности в их универсальности, однозначно конструктивной приложимости к российским условиям.

Одной из таких идей, всецело овладевших царем, была идея о том, что целью существования государства является «общее благо» его граждан. Проблема заключалась в том, что гарантировать «общее благо» могло государство не всякое, а лишь «регулярное», устроенное по новейшей западноевропейской модели. Это-то «регулярное государство», эту «машину для производства счастья народов»¹⁶, необходимо было создать в России.

Административные реформы 1700–1710-х годов в самом деле заметно усилили роль государства в повседневной жизни общества, преобразили структуру центральных и местных учреждений. На смену нерациональному нагромождению приказов пришла организованная по шведскому образцу стройная система коллегий¹⁷, на смену допотопным воеводским избам — губернские и провинциальные канцелярии.

Гораздо больше стало и самих чиновников. Если в 1640-е годы один «приказной служитель» приходился на 4,4 тысячи жителей, то в 1710-е годы — один на 2,9 тысячи. Особенно резко возросла численность служащих местного управления. Если в 1640-е годы их насчитывалось в России 774 человека, то в 1710-е (при населении, увеличившемся вдвое) — 4082¹⁸.

Неувязка получилась лишь с гарантией «общего блага». Вместо того чтобы всемерно содействовать его достижению, чиновники «правильно» организованных учреждений вдруг повели себя «не пастырями, но волками, в стадо ворвавшимися»¹⁹. Административная практика запестрела эпизодами безудержного лихоимства, взяточничества, а то и дикого произвола должностных лиц.

Так, группа подьячих — помощников комиссара С.М. Акишева — устроила настоящий погром в Устюжском уезде. Как доносил в Сенат один из местных служащих, комиссарские подьячие «волостных людей бьют без милости и тиранскими муками мучат, в церковных трапезах и на станех, и в дыбах, и на козлех, и на саях плетми свинцовыми и батожем бьют и огнем страшат, руки и ноги и зубы ломают...».

Расследование установило, что новоявленные созидатели «общего блага», вымогая взятки, подвергли пыткам в общей сложности 219 человек крестьян, четверо из которых погибли от истязаний²⁰.

Не лучше обстояло дело и в других местах. В Тамбове воевода незаконно освободил из-под стражи лидера преступной группировки Чичасова. Служивший на Урале судья Томилов торговал краденными лошадьми, держал у себя в услужении бандита, убившего трех человек²¹...

Что же произошло? Отчего использование шведской схемы привело на русской почве к столь нелогичным результатам?

С одной стороны, резкое увеличение численности персонала государственных учреждений не сопровождалось какой бы то ни было работой по обеспечению его профессиональной подготовки. Наряду с процессом стремительного размывания прослойки компетентных чиновников «старой закалки», это привело к нарушению преемственности в среде правительственных служащих, к падению их культурного уровня, к необратимому разрыву с лучшими приказными традициями XVII в. В этой ситуации никуда не исчезнувшие традиции худшие — мздоимство, пренебрежение к закону — бесповоротно стали доминирующими.

С другой стороны, в петровское время существенно снизился престиж гражданской службы. Неуклонно возростающая на протяжении 1700 — начала 1720-х годов милитаризация жизни страны весьма неблагоприятно отразилась на статусе чиновничества. Наиболее почитаемым человеком в России отныне стал военный.

Вследствие этих факторов сложившиеся к исходу XVII в. конструктивные тенденции в развитии отечественной государственной службы оказались пресечены, не успев окончательно выкристаллизоваться. На место уважаемого за его уникальную квалификацию ответственного исполнителя пришел безликий, невежественный, фатально коррумпированный чиновник новой формации, принципиально неотличимый от своего преемника 1840-х или 1970-х годов.

В результате, благодаря усилиям царя-реформатора, вместо корпорации просвещенных управленцев наша страна получила нецивилизованную бюрократию. Бездумно наложенная на российские условия — правовой нигилизм общества, сильнейшую персонафицированность власти — шведская модель административного устройства породила монстра.

IV

Необходимо, впрочем, сделать одну оговорку. Нецивилизованные бюрократы «первого призыва», чиновники эпохи преобразований, по образу жизни заметно отличались от «своей братьи» последующих времен. В условиях захватившей в свою орбиту все сословные группы Северной войны правительственным служащим нередко приходилось терпеть физические лишения, голодать и мерзнуть, а то и рисковать жизнью.

В составе многочисленных походных канцелярий обременяемые всевозможными «нужнейшими посылками» вчерашние московские подьячие мотались по фронтовым дорогам, случалось, оказывались под пулями, порой — во вражеском плену. Попав в экстремальные ситуации, приказные 1700-х проявляли подчас незаурядное мужество, безоглядную преданность служебному долгу.

Так, в ночь на 19 ноября 1700 г., когда 8-тысячный шведский отряд внезапно атаковал осаждавшую Нарву 34-тысячную русскую армию, среди полнейшего безначалия и охватившей российские полки дикой паники подьячий Михаил Копосов сумел уберечь и в одиночку вывезти в безопасное место всю походную казну Адмиралтейского приказа.

Подобно солдату повел себя на той войне и Семен Прокофьевич Селезнев. Подьячий наиспокойнейшего кремлевского учреждения — Мастерской палаты, он в ноябре 1708 г. попал в плен к шведам. Едва не погибший от голода, обмороженный, Семен Прокофьевич спустя пять месяцев нашел в себе силы «уйти» «из-за караулу» и добраться до своих²².

Но крайне дискомфортные условия работы ожидали чиновника тех лет не только в «походах». Форсированное строительство «регулярного» государства сопровождалось обвальным возрастанием объема делопроизводства, межведомственной переписки, разнообразнейших форм отчетности.

Не найдя ничего лучшего для борьбы с неизбежно усилившейся волокитой, Петр I учредил институт «понудителей» — правительственных уполномоченных, призванных «выбивать» из местной администрации требуемые «центром» табели и ведомости. Набираемые из солдат и младших чинов гвардии понудители рас-

полагали предельно широкими дисциплинарными полномочиями в отношении подконтрольных должностных лиц²³.

Эмоциональное свидетельство о том, как работа господ уполномоченных разворачивалась на практике, оставил президент Юстиц-коллегии граф А.А. Матвеев. Будучи осенью 1720 г. проездом в Москве, Андрей Артамонович имел случай наблюдать деятельность понудителя Поликарпа Пустошкина. Своими впечатлениями граф поделился с кабинет-секретарем А.В. Макаровым:

...Отсюда доношу, что присланной из Камор-коллегии ундер-офицер с указы имянем Пустошкин жестокою передрагу учинил и все канцелярии опустошил и всех здешних правителей, кроме Военной коллегии и Юстиции, не толко ноги, но и шею смирил чепми... Я, тех узников по должности христианской посещая, воистинну с плачем видел в губернской канцелярии здешной, что множество чепей и желез, и честных особ, сидящих в них, и токи слез, превосходящей галерных прямых дворов...²⁴

V

В годы Северной войны довелось хлебнуть лиха и представителям высшей администрации. Немало «министров» петровского времени вышло из рядов полевого и гвардейского офицерства, на долю которого в 1700–1710-е годы выпали суровые испытания. За плечами этих людей были изнурительные марши, тяжкие осады, личное участие в рукопашных схватках и кровавых «атаках» крепостей.

Вот как выглядел, например, послужной список видного правительственного деятеля последних лет царствования Петра I князя Григория Дмитриевича Юсупова:

...Служба его в разных походах, на боях полевых и городских приступах: под Азовом дважды и дважды под Нарвою, под Канцом, под Митавою, под Лесным, под Полтавою, у Переволочни при взятии оставшаго по Полтавской баталии шведскаго корпуса, под Выборгом, на Турецкой акции, под Штетинном, под Тонингом при взятии фельдмаршала Штенбока с его войски, на Норе при взятъе фрегата и галер... в Персидской экспедиции...²⁵

При таких особенностях служебной карьеры неудивительно, что ряд высокопоставленных управленцев той поры имели ранения и контузии. Скажем, член Вышнего суда, а позднее сенатор Иван Ильич Дмитриев-Мамонов первый раз был дважды ранен во время разгрома русских войск под Нарвой в ноябре 1700 г. Второе и третье ранения он получил при повторной осаде этой крепости в 1704 г. В битве при Лесной в сентябре 1708 г. был ранен Г.Д. Юсупов²⁶. В морском сражении при Гангуте — будущий прокурор Вотчинной коллегии Афанасий Григорьевич Комынин²⁷.

Доставалось не только военным. В 1700 г. под злосчастной Нарвой едва не погиб будущий президент Ижорской канцелярии подьячий Посольского приказа Анисим Яковлевич Щукин²⁸. Подканцлер барон Петр Павлович Шафиров, второе лицо в дипломатической иерархии страны, находясь с миссией в Константинополе, 31 октября 1712 г. был арестован турками и помещен в пользовавшийся дурной славой Едикул — Семибашенный замок. Заодно с Петром Павловичем в Едикул отправили весь персонал российского посольства во главе с тайным советником П.А. Толстым — будущим сенатором и президентом Коммерц-коллегии.

Об условиях, в которых на протяжении 19 недель содержались наши дипломаты, позволяет судить письмо одного из узников Семибашенного замка Авраама Федоровича Лопухина:

...Октября от 31 дня марта по 20 день их превосходительство господы послы со всеми нами в таком были тяжком заключении, [что] не токмо иного какого простору, но и свету были лишены, толко вверх некоторые были скважины, и в них вставлены стекла, и воздуха никакого не видели... Вся тюрьма такой была меры, чтоб малому числу в ней быть людем, а нас в ней всех было 218 человек. Не токмо подчиненным нашим или служителем нашим, но и самим не было месту, где б было можно лечь...²⁹

Как бы то ни было, заключенный в октябре 1721 г. Ништадтский мир знаменовал «скончание» военного лихолетья. Занявшим сенаторские и президентские кресла ветеранам Полтавы и Нарвы не грозила более смерть от вражеской пули. Стабилизировалась жизнь и рядового чиновничества. Угроза безопасности должностного лица исходила отныне лишь от рук отечественного палача.

VI

К взяточникам и лихоимцам Петр I относился непримиримо. В первой четверти XVIII в. на их головы обрушилась целая серия указов, один суровее другого. В апреле 1722 г., например, появился указ, внушительно именованный «О хранении прав гражданских». Текст указа, наклеенный на особые поставцы, в обязательном порядке должен был находиться на столах «пред очми» начальствующих лиц во всех учреждениях империи. Тем служащим, которые нарушали законы, подводили «всякия мины под фортецию [крепость] правды», указ грозил «смертию без всякие пощады»³⁰.

Царь-преобразователь не ограничивался, впрочем, одними только декларациями. Одним из магистральных направлений в деле построения «регулярного» государства было всемерное развитие контрольно-карательного аппарата.

Первым реформаторским шагом на этом пути явилось создание в марте 1711 г. приказа Фискальских дел. В обязанности сотрудников этой правительственной структуры входило «тайно надсматривать» и сообщать в высшие инстанции о любых неполадках в государственной жизни³¹. Центральное место среди функций новой службы занимала борьба с коррупцией и казнокрадством. В первую очередь фискалам надлежало «проведывать» «всякие взятки и кражу казны, и прочее, что ко вреду государственному интересу быть может...»³².

Независимые от региональной администрации, широко развернувшие оперативно-агентурную работу, фискалы за короткий срок выявили множество «повреждений государственного интереса» — от заключения подкупленными чиновниками заведомо невыгодных для казны контрактов до укрывательства ими дезертиров. Располагавший возможностями для формирования широчайшей агентурной сети, высоким — на первых порах — статусом «служителей», институт фискалов, похоже, имел реальный шанс превратиться в исключительно эффективное контрольное учреждение, своего рода канал обратной связи между населением и руководством страны.

Судьба фискальства в России сложилась, однако, печально. С одной стороны, чем дальше, тем больше стало сказываться от-

существование у приказа Фискальских дел судебно-следственных полномочий. В свою очередь, имевшие эти полномочия Сенат и центральные ведомства сплошь и рядом покрывали разоблаченных фискалами лиц.

К примеру, в начале 1710-х годов московский фискал А.Я. Нестеров уличил группу служащих Мундирной канцелярии в приемке большой партии негодного обмундирования для армии (достаточно сказать, что из принятых 8000 пар сапог годными оказались 152). В этой ситуации глава канцелярии М.А. Головин не только не подверг «обличонных воров» судебному преследованию, но даже не отстранил их от должностей. Попытка неугомонного фискала добиться справедливости в Правительствующем сенате закончилась тем, что сенаторы передали все материалы дела обратно господину Головину³³. Кропотливая, порой небезопасная работа фискалов оказывалась, таким образом, зачастую абсолютно бесплодной.

Кризису фискальства, безусловно, содействовал и личностный фактор. В условиях постоянных реорганизаций властных структур, острейшего дефицита компетентного персонала, падения престижа гражданской службы о каком-либо жестком отборе кадров для «фискальских дел» не могло быть и речи. Как следствие, в рядах фискалов оказалось немало людей случайных, нравственно неустойчивых, а то и вовсе имевших за плечами уголовное прошлое.

Так, видный московский фискал, бывший каменщик Михаил Андреевич Косой (известный также как Михаил Андреев) имел в своем «послужном списке» участие в грабежах и насилиях во время стрелецкого бунта 1682 г., побег из ссылки в 1687-м. Этот редкостный одиозный государственный муж, впавший ко всему прочему в еретичество, преданный в октябре 1714 г. анафеме, не только не был удален из фискальских органов, но и впоследствии занял «министерскую» должность обер-фискала³⁴.

Если учесть, что фискалы практически не несли ответственности за свои неподтвердившиеся обвинения³⁵, то легко будет представить, какой простор для злоупотреблений открывался перед такими вот Михаилами Андреевичами... Неудивительно, что уже к середине 1720-х годов фискальство выродилось в разъеденную коррупцией, малоавторитетную, совершенно недееспособную структуру³⁶.

VII

Создание приказа Фискальских дел было не единственной мерой Петра I по обузданию лихоимства и взяточничества. В начале второго десятилетия XVIII в. российское руководство попыталось привлечь к борьбе с должностными и экономическими преступлениями широкие слои населения.

Инициатором в этом деле выступил управитель Московской губернии Василий Семенович Ершов. В мае 1711 г. через особые «выставочные листы» он призвал «публику» доносить ему о любых незаконных действиях «комендантов и подьячих, и всяких сборщиков»³⁷.

Обращение вызвало широкий отклик губернских жителей, осведомивших управителя о многих злоупотреблениях его подчиненных. Заплативший за успехи в борьбе с «повреждением правды» фактической обструкцией, устроенной ему чиновным миром бывшей столицы³⁸, Василий Ершов, однако, точно уловил подспудную конъюнктуру.

В октябре 1713 г. появился указ Петра I о том, что, кто «ведает повредителей интересов государственных» и «грабителей народа», может «без всякого опасения» сообщать о них лично царю. Указ подчеркивал, что право обращения к монарху дается «всякого чина людем... даже до земледельцов»³⁹.

Но вскоре власть пошла на попятную. Уже 25 января 1715 г. состоялся указ, согласно которому, право донесения непосредственно царю было ограничено делами по знаменитым «трем пунктам»:

1. О каком злом умысле против персоны е[го] в[еличества] или измены;
2. О возмущении или бунте;
3. О похищении казны.

Наконец, указом от 19 января 1718 г. из этого списка был исключен единственный пункт, касавшийся уголовных преступлений, — «о похищении казны»⁴⁰. Наряду с последовавшим в том же 1718 г. подчинением фискалов вместо Сената Юстиц-коллегии (что существенно понизило их статус)⁴¹, указ от 19 января подвел

черту под политикой всесословной борьбы с коррупцией⁴². Новая ставка в искоренении должностной преступности была сделана на «майорские» розыскные канцелярии.

VIII

Первая такая канцелярия — князя М.И. Волконского — была создана в июле 1713 г. К исходу десятилетия их насчитывалось уже тринадцать⁴³. Представлявшие собой нечто среднее между следственной комиссией и военным трибуналом, эти структуры обычно состояли из «презуса» [председателя] (чаще всего майора гвардии), двух ассессоров — младших офицеров и немногочисленного технического персонала. Приговоры канцелярий утверждались самим царем.

Сформированные из лично известных Петру I боевых офицеров, абсолютно независимые не только от местной, но и от центральной администрации, розыскные канцелярии в принципе могли стать наиболее действенным карательным органом периода широкомасштабных реформ. Отныне взяточникам и лихоимцам противостояли не бессильные в петербургских коридорах власти фискалы, а прошедшие войну гвардейцы, подлинные хозяева «преображенной» России.

Среди руководителей канцелярий в самом деле оказались незаурядные по своим моральным и деловым качествам люди. Так, одну из них «ведал» капитан гвардии, полковник⁴⁴ Герасим Иванович Кошелев. Выходец из старинного дворянского рода, Герасим Иванович обладал феноменальной среди «птенцов гнезда Петрова» честностью.

Возглавлявший с марта 1715 г. Подрядную канцелярию, через которую проходили все заключаемые с казной контракты, а впоследствии ставший президентом Камер-коллегии⁴⁵, Герасим Кошелев скончался в августе 1722 г., оставив после себя 2 рубля 7 алтын наличных денег при 864 рублях долга. Хоронить этого бессребреника пришлось на 100 рублей, пожертвованных генерал-прокурором П.И. Ягужинским⁴⁶.

В системе розыскных канцелярий выдвинулся и такой незаурядный криминалист, как Федор Дмитриевич Воронов. Человек

сугубо гражданский, работавший в Санкт-Петербургской губернской канцелярии, а затем в аппарате Правительствующего сената, Федор Дмитриевич прославился бесстрашным и умелым разоблачением махинаций всемогущего А.Д. Меншикова во время работы в розыскной канцелярии князя В.В. Долгорукова⁴⁷.

Ф.Д. Воронова очень ценил Петр I. Когда криминалист в 1716 г. перешел под начало Г.И. Кошелева, находившийся за границей царь, с несвойственной для него заботой о штатской «персоне», наставлял Герасима Ивановича: «...И ево, дьяка Воронова, в обиду никому не давай»⁴⁸.

И все же «майорские» канцелярии не сумели одолеть гидру коррупции. По природе своей носившие временный характер⁴⁹, руководимые офицерами, которых никто не освобождал от их прямых служебных обязанностей, канцелярии работали нестабильно, с большими перебоями. Грозные майоры и поручики, чередовавшие следственные действия с участием в десантных операциях против Швеции, оказались не в состоянии распутать многие криминальные ухищрения «губителей казенного интереса».

В неудаче розыскных канцелярий сыграло роль и то обстоятельство, что «губители», случалось, имели слишком высоких покровителей. Какой бы широкой формальной и реальной независимостью ни обладали господа штаб- и обер-офицеры, им было никак не под силу тягаться, к примеру, с собственным начальником — президентом Военной коллегии, генерал-фельдмаршалом А.Д. Меншиковым, крупнейшим взяточником и казнокрадом в истории России.

Последней попыткой императора Петра I покончить с должностной преступностью явилось создание в начале 1723 г. Вышнего суда. Составленное из сенаторов и все тех же офицеров гвардии, получившее беспрецедентно высокий статус, это учреждение было призвано вершить дела по особо важным государственным преступлениям. Именно в Вышнем суде прошли процессы сенатора П.П. Шафирова, обер-фискала А.Я. Нестерова, обер-прокурора Г.Г. Скорнякова-Писарева, провинциал-фискала С.Ф. Попцова⁵⁰.

Увы, и этот верховный трибунал не оправдал надежд монарха. Вместо того чтобы явить собой образцы неподкупности, беззаветного служения «общему благу», судьи ударились во взяточниче-

ство, фальсификацию следственных дел, покровительство «обличонным ворам». О многих, очень многих неприглядных «действиях» членов суда поведало Отцу Отечества до крайности любопытное письмо, подброшенное в его покои 1724 года месяца ноября в неизвестный день...

IX

«Великие преобразования» 1700–1720-х годов обернулись для России, впрочем, не только всплеском должностной преступности. В поданной Екатерине I в 1726 г. Записке о государственных нуждах с тревогой констатировалось, что и крестьянство, «на которое содержание войска положено, в великой скудости обретается и от великих податей и непрестанных экзекуций и других непорядков в крайнее всеконечное разорение приходит... и протчие дела, яко коммерция, юстиция и монетные дворы, весьма в разоренном состоянии обретаются»⁵¹.

Авторами этих строк между тем были не какие-то далекие от жизни либеральные публицисты. Записку подготовили президент Военной коллегии Александр Данилович Меншиков, тайный кабинет-секретарь Алексей Васильевич Макаров, вице-канцлер Андрей Иванович Остерман, видный администратор Алексей Яковлевич Волков — сугубо практические деятели, обладавшие максимальной полнотой информации о положении в стране.

Совсем не случайно оказалось упомянуто в Записке «разоренное состояние» юстиции. Дело было не только в неуспехе борьбы с коррупцией. В ходе Петровских реформ в России резко ухудшилась криминогенная обстановка. Шайки уголовников терроризировали сельские районы, свирепствовали по городам.

Так, в июле 1710 г. вооруженная бандгруппа неустановленной численности совершила нападение на село Обувково Старицкого уезда. Захватив работавших в поле четырех крестьян, бандиты переломали им руки и ноги, а затем, привязав к дереву, расстреляли из фузей. В декабре того же года «воры пришли многолюдством» в деревню Заболотье Клинского уезда. Как уведомил Правительствующий сенат владелец Заболотья поручик С.А. Спиридов, разбойники

«трех человек крестьян и одну крестьянку жгли и мучили... а крестьянские пожитки побрали без остатку»⁵².

Криминальные бесчинства в сельской местности достигли такого размаха, что затрудняли передвижения высоких должностных лиц. К примеру, управитель В.С. Ершов, собираясь в августе 1711 г. выехать в Смоленск для встречи с Петром I, всерьез опасался, что проезду могут помешать «болшия разбойническия артели... которыя ныне около Вязмы и повсюду зело тяжки суть»⁵³.

Не лучше складывалась ситуация и в самой Москве. В том же 1711 г. «близко Язуы реки в ручье» нападению «воровских людей» подвергся один из будущих авторов Записки о государственных нуждах А.И. Остерман, в ту пору — переводчик Посольской канцелярии. Несмотря на то что Андрей Иванович ехал в сопровождении офицера и нескольких солдат, он был жестоко избит и дочиста ограблен⁵⁴. Посетивший прежнюю столицу летом 1718 г. генерал-фельдмаршал Борис Петрович Шереметев имел все основания горестно извещать А.В. Макарова, что «вся Москва состоит, как вертеп разбойничь: вся пуста, толко воров множитца, и беспрестанно казнят...»⁵⁵.

Но если в Москве бандитам еще как-то противодействовал приказ Земских дел, опиравшийся на вооруженную силу довольно мощного гарнизона, то жители провинции зачастую оказывались без всякой защиты от бандформирований.

В мае 1712 г. комендант Твери сообщал в Сенат, что «в Тверском уезде ходят великия воровския станицы разбойников, человек по сто и больше, с ружьем, и села и деревни разоряют без остатка, и дворян и крестьян жгут и мучат, и убивают до смерти, и город Тверь хваляться разорить и разграбить... А управиться с теми ворами ему [коменданту] не с кем, для того что никаких присланных служилых людей в Твери нет, а тверские стрельцы ныне посланы в провожатых за рекрутами в Санкт-Петербург...»⁵⁶.

«Разорение юстиции» являлось, однако, не самой острой проблемой. В годы преобразований сильнейшим образом снизился уровень жизни основной массы населения. За 42 года царствования Петра I (главным же образом в 1700–1724 гг.) налоговый гнет возрос по меньшей мере в 3 раза⁵⁷.

В особенно тяжком положении к концу правления Отца Отечества оказалось крестьянство. «Великие подати» в самом деле привели значительную его часть «в крайнее и всеконечное разорение». Дошло до того, что в 1723 г. в Пошехонском уезде вымерла от голода десятая часть всех жителей. Командированный для изучения обстановки подполковник Т. Трейден в ошеломлении доносил Сенату, что местные крестьяне пекут хлеб: «1 из одной травы вахты и пихты; 2 из одной мякины; 3 из житной и овсяной мякины с соломою; 4 из лесного моху»⁵⁸.

Хлеб из «лесного моху» — таково было созданное для сотен тысяч русских людей самодержавным романтиком «общее благо». Таковы были последствия бездумных социально-административных экспериментов, безудержной милитаризации страны. Такова была изнанка блестящего фасада новой империи. Такова была оборотная сторона взятия Баку и Риги, Дербента и Выборга, победы под Лесным, Полтавы и Гангута.

Примечания

- ¹ РГАДА. Ф. 16. Внутреннее управление. № 179. Л. 2–11 [прилож. 1]. В научный оборот письмо было введено С.М. Соловьевым, опубликовавшим в приложении к тому 18 «Истории России с древнейших времен» его начальный фрагмент (Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 18 кн. М., 1993–. Кн. 9. С. 611). Иные упоминания в литературе об этом письме см.: *Игнатьев*. Иван Ильич Дмитриев-Мамонов // Сборник биографий кавалергардов. 1724–1762 / под ред. С.А. Панчулидзева. СПб., 1901. С. 23; *Анисимов Е.В.* Время Петровских реформ. Л., 1989. С. 272–273; *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования Петра Великого: Реорганизация высшего государственного аппарата в первой четверти XVIII в. [Л., 1990.] С. 30–31 (рукопись).
- ² К настоящему времени нам не удалось критически проанализировать все без исключения эпизоды ноябрьского письма 1724 г. Выборочная же проверка приведенных в нем сведений показала высокую степень их достоверности. К примеру, в п. 14 письма утверждается, что ландрихтер И.П. Топильский «рекомендовал» А.В. Макарову и президенту Юстиц-коллегии А.А. Матвееву подьячего А.С. Сверчкова. В силу этой рекомендации «граф Матвеев того Сверчкова произвел в оборсекретари в Юстиц-коллегию в самое короткое время». О том, что Иван